

УДК 343.9

АСОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРОГРЕССИРУЮЩАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Евгений Иванович Замылин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

Аннотация. Самоустранение государства от идеологического регулирования, провалы в нравственно-воспитательном процессе предопределили в сознании многих людей смешение этических стандартов. Отсутствие идеологических ориентиров, отрицание традиционных ценностей привело к образованию своеобразного «вакуума», который стала заполнять уголовная субкультура. Насаждая свои правила, атрибутику, она проникает во все слои населения (особенно в среду молодежи), становится элементом культуры; налицо смещение системы ценностей в сторону асоциального образа жизни. Культ потребления и паразитизма, антиобщественные «нормы-обычаи», азартные игры, блатной фольклор и жаргон, клички — эти и другие негативные явления в обществе регулируют деятельность неформальных групп, которым свойственна и криминальная направленность. На формирование массового сознания, становление целостной личности, ценностных ориентаций непосредственное воздействие оказывают и СМИ, которые порой манипулируют сознанием подрастающего поколения посредством сцен насилия, жестокости, порнографии, развращая его. Нравственные ограничения присущи каждой стране, однако в России инициатива по урегулированию данного вопроса на законодательном уровне сталкивается с противодействием в виде якобы «неоправданного ущемления свободы прессы».

Ключевые слова: государство, идеология, традиционные ценности, уголовная субкультура, асоциальный образ жизни, криминализация общества

Для цитирования: Замылин Е. И. Асоциальный образ жизни и прогрессирующая криминализация как следствие социально-политической деидеологизации общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 19—28.

ANTISOCIAL LIFESTYLE AND PROGRESSIVE CRIMINALIZATION AS A RESULT OF SOCIO-POLITICAL DE-IDEOLOGIZATION OF SOCIETY

Yevgeny Ivanovich Zamylin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

Abstract. The self-refusal of the state from ideological control, failures in the moral and educational process predetermined the amalgamation of ethic standards in the consciousness of many people. The lack of ideological guidelines and the denial of traditional values caused the formation of a kind of "vacuum" filled by the criminal subculture. Forcing its own rules and attributes, it enters all population groups (especially among young people), becomes a part of culture; a shift of the value system as an antisocial lifestyle is evident. The cult to consume and parasitize, antisocial "standards and customs", gambling, flash language, nicknames as well as other negative phenomena in society regulate the activities of informal groups, that are criminal too. The media, sometimes manipulate the consciousness of the younger generation through violent, cruel and pornographic material, corrupting it, directly affect the formation of mass consciousness, the development of an integral personality and values. Moral limitations are inherent to each country, but in Russia the initiative of legislative regulation of this issue faces resistance in the form of an allegedly "unjustified restriction of press freedom".

Keywords: state, ideology, traditional values, criminal subculture, antisocial lifestyle, criminalization of society

For citation: Zamylin Ye. I. Antisocial lifestyle and progressive criminalization as a result of socio-political de-ideologization of society. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 19—28, 2025. (In Russ.).

По причинам органическим
мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
юридических начал.

*Б. Н. Алмазов, русский поэт-пародист,
литературный критик, прозаик XIX в.*

В последние годы все чаще в средствах массовой информации, а также в заявлениях видных политических и государственных деятелей звучат призывы к активизации патриотического воспитания подрастающего поколения (как это ни печально, некоторым из них свойственны чисто декларативные, популистские заявления), подспудно признаются и провалы в процессе государственного регулирования общественно значимых функций, идеологической составляющей нашего государства. Стремление к построению национального патриотического государства обусловлено активным поиском национальной идеи; насущная проблема по вопросу обеспечения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей неоднократно высказывалась на страницах печати [1] и в официальных заявлениях на самом высоком уровне, в том числе на законодательном¹. Еще в свое время древний мыслитель, философ, первый профессиональный учитель Китая Конфуций в качестве одного из основных условий процветания государства, кроме обеспечения населения хлебом и его вооруженной защиты, признавал «надлежащее состояние умов».

Здесь уместен вопрос: а не упущено ли время? Ведь родилось и выросло без идеологической составляющей практически два поколения. Мы, более старшее поколение, не вникая в проблему, не обращаясь к ее истокам, скажем прямо, порой

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 10.04.2025).

не понимая сути происходящего, выступая в роли стороннего наблюдателя, задаемся вполне закономерным вопросом: откуда на смену нескольким поколениям созидателей-победителей появилось поколение потребителей? По меткому замечанию одного из критиков глобализма профессора А. С. Панарина, для «„потребительского человека“, взятого технократами в союзники в борьбе с традиционным менталитетом, деидеологизация означала реабилитацию принципа удовольствия, ослабление давления старой жертвенной морали, мешающей приобщиться к радости потребительского общества и к цивилизации досуга» [2].

А сегодня мы пожинаем плоды все тех же преобразований, когда в абсолют была возведена система мировоззрения, определенные нравственные принципы и нормы поведения личности, основанные на признании приоритета интересов отдельного человека над групповым или общественным интересом. Так называемый индивидуализм, в пику патриотизму как осознанной любви к Родине и ее традиционным ценностям, преданности Отчизне, своему народу и готовности к самопожертвованию ради высших идеалов, прославляет эгоизм, уникальность и самостоятельность отдельно взятого человека, утверждая его право на личный выбор, свободу действий и самовыражение, порой в противовес насущным потребностям социума. Патриотизм, становясь осмысленным и приобретая идеологическую нагрузку, вряд ли может находить отклик в сознании человека, который ставит свои интересы превыше интересов других, стремится к собственной выгоде в ущерб окружающим. На данный момент мы стали свидетелями того, как коллективизм, исконно присущий нашей цивилизации, утратил свою ценность, а община как форма объединения людей, существовавшая на протяжении всей истории нашей страны, посредством подмены ценностей была разобщена. Как следствие, возникают традиционные российские вопросы, до настоящего времени не получившие разрешения: кому это выгодно? кто в этом виноват? и что делать?

По нашему мнению, ответ заложен в самой сути вопроса, а именно: в ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации закреплен принцип, согласно которому «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Безусловно, это руководство к дей-

ствию. А вот здесь уже уместно привести тезис из монографии академика РАН, профессора О. Е. Кутафина «Российский конституционализм», где он отмечает: «Процесс деидеологизации нельзя понимать упрощенно. Стремление освободиться от всякой идеологии есть тоже идеология, и она может привести к отрицательным последствиям — разобщенности и даже конфронтации людей и борьбе между собой» [3, с. 14]. Взяв за основу приведенную позицию, трудно понять политику государства по самоустранению от идеологического регулирования, обосновать провалы в воспитательном процессе, в сфере формирования консолидированной государственной политики по защите общественной нравственности и духовности; можно лишь дать субъективную оценку данного процесса в стране (процесса деидеологизации), его последствий. А если, по О. Е. Кутафину, это не «самоустранение», а квазиидеология?

Политика 1990-х, утрата государством позиций в идеологической сфере современной России, разгул либерализма довольно четко предопределили стирание граней, смешение в сознании многих людей таких центральных категорий этики, характеризующих моральное сознание индивида, как «добро» и «зло», «правомерное» и «неправомерное», «законное» и «незаконное», «справедливое» и «несправедливое», «похвальное» и «постыдное» [4]; через призму данных понятий можно оценить поступки любого представителя того или иного общества. Довольно часто в последнее время, особенно в среде молодежи, берется за основу то, что понятия «честность», «порядочность», «взаимоуважение», «уважение к старшим», «сыновний долг», «долг перед Родиной» и др. — это прошлый век, и руководствоваться ими могут только «совки». Перечисленные понятия для части нового поколения порою полностью утратили свое смысловое наполнение, стали «относительными». О последствиях отрицания традиционных ценностей и нравственных ориентиров говорил Н. Г. Иванов: «...чем глубже общество погружается в атмосферу безнравственности, тем ярче виден всплеск преступности» [5, с. 26]. Эта мысль стала лейтмотивом нашей «пробы пера» в данном направлении.

В последней четверти XX в. как следствие борьбы с «тоталитарным режимом» под громкими лозунгами демократических преобразований в стране были порушены (признаем, независимо, отчасти незаметно для нас) традиционные ценности, которые служат основой для существования любого независимого социально ориентирован-

ного государства. Социалистическое мировоззрение, сформированное за 70 лет и занявшее отводимое ему место в сознании советских людей, было опошлено и «выброшено на свалку истории». Именно на фоне мировоззренческих установок социалистического периода развития страны воспитывался человек нового мироустройства, человек труда и патриот, создавалась модель образа человека будущего, который с рождения впитывал в себя ценности, возведенные в ранг социальных норм и гарантий, что до сих пор еще живо в сознании части населения страны. В целом это формировалось на базе идеологических установок, а идеология была возведена на уровень государственных приоритетов. Поэтому, осознавая, что коммунистическая идеология не может исчезнуть сама по себе априори, политическая элита, пришедшая к власти в 1990-х гг., пыталась, насколько это было возможно, ее извратить, выхолостить, особенно в условиях фатального имущественного расслоения (массового обнищания) граждан. Именно с подачи политической элиты термин «идеология» стал восприниматься в обществе как нечто агрессивное, насильственно навязанное сознанию, устремленное назад, в прошлое, к тоталитарному режиму. Взяв за основу данные ярлыки, властные структуры в России инициировали запрет на любую государственную идеологию.

Однако после «освобождения от ига» общественной государственной коммунистической идеологии, когда все советские идеалы и ценности были полностью отвергнуты, на их месте образовалась пустота; страна оказалась в своеобразном «ценностном вакууме» [6, с. 157]. На фоне «безыдейности» стал проявляться такой негатив, как прямое нарушение действующих нормативно-правовых норм (пусть иногда и неумышленное); массовое несоблюдение юридических предписаний, когда субъекты дистанцируются от конкретных указаний, содержащихся в источниках права; нарушение или несоблюдение фундаментальных прав человека и др. Оказавшись в «идеологической пустоте», общество, по заявлению А. А. Маркова, неизбежно заполняется так называемыми корпоративными идеологиями, большинство из которых основаны на морали прагматизма, обогащения, квазирелигиозных учениях, на криминальных приоритетах и т. д. [7, с. 11].

Это тормозит развитие и правовой системы, и общества в целом. А если углубиться в детали, то трудно оспаривать тот факт, что отсутствие государственной идеологии (а значит, и правового

воспитания как одного из важнейших ее составляющих) на уровне подсознания человека проявляется в виде адаптации (терпимого отношения) к различного рода явлениям социальной патологии, несправедливости, в том числе привыкания к противоправным действиям, даже в ущерб его интересам, безразличия к их последствиям. Никого уже не удивить, что сегодня нормой жизни признаются жажда наживы, паразитизм, игнорирование норм этики и морали, общепризнанных норм поведения и пр.; в мировосприятии индивида утрачивается правовое предназначение действующего законодательства, нормы закона не рассматриваются им в качестве средства защиты и обеспечения прав и законных интересов как его лично, так и окружающих. «Лихие девяностые» породили целое поколение людей, для которых в приоритете высокая степень антиобщественной направленности; для любого из них в принципе «неважно, одобряется ли его поведение в общем или нет, соответствует ли это поведение требованиям всего общества. Для такого лица гораздо существенней одобрение со стороны того „микромира“, который его окружает» [8, с. 187]. Ответственность перед обществом здесь заменяется ответственностью перед группой, к которой он себя относит.

В результате отсутствия идеологических ориентиров за полувековой период для сознания значительной части населения стала свойственна своеобразная «деструкция», когда налицо смещение системы ценностей в сторону асоциального образа жизни, преступного поведения личности. В целом это привело к тому, что стало сложно дифференцировать общественно порицаемое (возможно даже, уголовно наказуемое) и социально полезное. Образовавшийся вакуум довольно успешно «осваивает» уголовная субкультура, вред и опасность которой в обществе, особенно для психики и жизненного кредо подрастающего поколения, до настоящего времени не получили должной оценки. Есть и такой прогноз, что полный уход государства из сферы идеологического регулирования может привести к сосредоточению идеологического контроля в руках организованной преступности; воздействие идеологии на общественное сознание примет криминальную направленность [9, с. 38].

Надо признать, что лица, являющиеся «проводниками» уголовной субкультуры в молодежную среду (как правило, это лица, ранее имеющие судимость), обладают необходимыми познаниями в области подростковой психологии: они берут на

вооружение неустойчивость психики последних, незавершенный процесс их социально-психологической адаптации в социуме. Пытаясь разобраться во внутреннем мире субъектов преступной деятельности, мы получаем возможность ответить на целый ряд вопросов, особенно тех, что связаны с приверженностью неписаным нормам субкультуры, преступным традициям и обычаям. В качестве определяющих факторов, выступающих катализатором формирования психосоциальных черт, которые присущи «рекрутам» из числа молодых людей, можно опять обратиться к таким, как падение нравственности в обществе, утрата мировоззренческих ориентиров, проникновение преступных традиций в среду молодежи. А здесь уже и прельщение уголовной романтикой, и прелестями жизни, свободной от обязательств перед обществом, и пр.; налицо проявление конформизма в виде жесткой зависимости от соответствующей социальной среды. Психологи отмечают, что в несовершеннолетнем возрасте обострена боязнь прослыть слабым, несамостоятельным; это формирует соответствующую потребность самоутверждения среди сверстников, а то и стремление к превосходству, желание быть в центре внимания [10].

Уголовная субкультура, насаждая свои правила, атрибутику, даже посредством современных «произведений» кино-, видео-, теле- и книжной продукции, сети Интернет, активно проникая во все слои населения, становится элементом массовой культуры. Занимая устойчивое положение в повседневной жизни нашего общества, культ потребления и паразитизма, антиобщественные нормы-обычаи, азартные игры, сленг как отход от норм литературного языка, блатной фольклор и блатной шансон, клички и пр. становятся привычными и воспроизводятся, пусть и в новом, трансформированном виде, в отдельных социальных группах. Эти и другие негативные явления в обществе стали прямо и непосредственно регулировать деятельность неформальных групп, внося в них определенный «порядок» и организованность, которым порой свойственна и криминальная направленность.

Проведенные исследования в данной области, в том числе на уровне целого ряда докторских диссертаций, убедительно доказали, что с проблемами субкультуры всегда так или иначе связан преступный образ жизни [11].

В свое время классики марксизма-ленинизма отмечали, что «бытие определяет сознание». Взав за основу психологию человека, определяя его

базовые ценности и вникая в нормы неписанного кодекса поведения, признаем, что окружающий мир диктует соответствующие правила, предопределяет, формирует психологическое состояние индивида, соотносимое с той или иной обстановкой и средой, в которой он находится. Порой мы вынуждены приложить усилия и подстроиться, чтобы быть «в тренде», но иногда делаем это неосознанно, поскольку уже изменились и стали отчасти «другими».

В качестве иллюстрации приведем пример, когда мы — поколение, родившееся в 1960-х гг., — с, казалось бы, устоявшимися нравственно-психологическими принципами, не избежали определенной «коррозии» в «духе времени». В начале 1990-х гг. мы, выпускники Высшей следственной школы МВД СССР, уже имевшие за плечами около пяти лет стажа, презирали своего однокашника, который, работая следователем, был задержан и осужден за получение взятки. Однако спустя два десятилетия после происшедшего мною, уже полковником полиции, совершенно спокойно (хотя бы внешне), без эмоций, как рядовое событие была воспринята информация о получении взятки одним из моих коллег, с которым я дружил и поддерживаю до настоящего времени приятельские отношения. Не было категорического осуждения, как в предыдущий раз, оно было нейтрализовано коррупционной составляющей, которая имела и имеет место в обществе сейчас и наложила определенный отпечаток и на мое правосознание. На фоне глобальных масштабов противоправных проявлений в стране многие взяли за основу даже не утаивание, а афиширование накопления капитала, независимо от официальных доходов, а средства массовой информации чуть ли не в открытую культивировали образ жизни, при котором благами не пользуется разве что ленивый или недалекий человек.

Мы порой уже и сами не замечаем, когда, находясь в компании или выполняя какую-то работу, непроизвольно под нос себе мурлычем нечто вроде «Мурки» или что-то подобное. Да это и неудивительно, если на голубом экране демонстрируются фильмы, где ученики начальных классов совместно с учительницей исполняют песню «Хоп, мусорок», а посредством звонких детских голосков со сцены звучит «Владимирский централ». Думаю, комментарии излишни... Я уже не говорю о нецензурной брани и использовании словесных оборотов на сцене — это стало нормой межличностного общения. Мы посредством мата, сквернословия не ругаемся, а разговариваем, передаем эмоции:

восхищаемся, негодуем, пытаемся заглушить боль и пр. Не хочу сгущать краски, но нецензурная лексика в общественном месте становится нормой, в том числе из уст подростков. Не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда девушке или молодому человеку 13—14 лет делаешь замечание о культуре речи, это воспринимается в штыки: оскорбленное достоинство, «как Вы смеете нарушать мое жизненное пространство?!», «Вы что мне — отец?» и пр. Это и последствия псевдовоспитательного процесса (эрзац-воспитания) в школе и семье, и отсутствие профилактики правонарушений молодежи со стороны правоохранительных органов, и низкий уровень качества преподавания в вузах и школах, когда выпускник не мотивирован на получение знаний, а встает «в очередь» за аттестатом, дипломом.

Если брать в целом, уголовная субкультура проявляется в моральном разложении, туеядстве («пусть трактор работает, он железный»), склонности к решению спорных вопросов методами физического и психического насилия, игнорированию нравственных норм и норм поведения и пр. Взаимоотношения представителей данной категории лиц строятся на подчинении единым неформальным нормам и в пределах их группы, и вне ее. Означенные нормы регулируют поведение членов преступного формирования не только во время предварительного и судебного следствия, но и в процессе отбывания ими наказания; несоблюдение их чревато неблагоприятными последствиями, вплоть до насильственного лишения жизни. В то же время членам группы свойственно оказание юридической помощи, материальной поддержки не только им самим, но и членам их семей.

Кроме того, нередки случаи и «документального оформления» отношений, что свидетельствует о «нормативной основе» противоправной деятельности отдельных преступных группировок. В середине 1990-х гг. при проведении обыска по месту жительства одного из руководителей организованной преступной группы в его сейфе нами была обнаружена клятва членов данной бригады, выполненная кровью. Подписали ее 25 человек, трое из которых были девушки, а 10 человек — несовершеннолетние. В данном «документе» была отражена суть (программа) действий группировки: строгое иерархическое подчинение, недопущение любых форм сотрудничества с правоохранительными органами (даже на случай задержания), приверженность «воровской идее», если потребуется — принесение любой жертвы в «угоду брат-

ству» (некоторые словосочетания нами приведены дословно) и пр. Можно, конечно, сказать, что это выполнено для пафоса и в какой-то степени сродни ребячеству, «дворовому братству». Но, как показало в дальнейшем расследование по делу, члены группировки, следуя данным ими обетам, оказали активное противодействие выяснению обстоятельств по делу, в том числе организовав убийство одного из ее членов, который пошел на сотрудничество со следствием (он был задушен в следственном изоляторе во время проведения банно-прачечного дня).

Сам процесс становления и сплочения указанной преступной группировки был обусловлен преступной романтикой: члены банды вдохновлялись не только общением с ранее судимыми, составлявшими костяк группы, но и хлынувшими потоком в видеопроектор зарубежными и отечественными фильмами довольно низкого морально-нравственного содержания. В целом практика свидетельствует, что большинство подобных правонарушений связано с правовым невежеством и нигилизмом, нравственной и духовной черствостью несовершеннолетних. Каждый второй из задержанной нами группировки не считал свои действия из ряда вон выходящими, признавая их «веянием времени».

Подняв данную проблему, нельзя не учитывать особую роль средств массовой коммуникации в духовно-нравственном и правовом воспитании; их информационно-психологическое воздействие оказывает самое непосредственное влияние на формирование массового сознания, становление целостной личности, ее ценностных ориентаций, основных жизненных принципов, общегражданских установок и пр. В зависимости от форм распространения информация может выступать в качестве конструктивного и деструктивного средства воздействия, неоднозначно сказываясь на восприятии социумом. Изучение общественного мнения, проводимое еще на рубеже веков, показало, что в качестве одного из факторов, влияющих на рост негативных проявлений в обществе, 40 % интервьюируемых считает репертуар СМИ с элементами насилия и жестокости [7, с. 20].

Принимая во внимание опыт прошлых лет, следует признать, что население продолжает верить версиям какого-либо события, освещенным в СМИ. Еще в XIX в. Ганс Гросс в своем базовом труде по криминалистике писал, что «не только простой человек, но и каждый из нас питает известное доверие к печатному слову, несмотря на то, что печать служит источником и многих заблуждений» [12, с. 341].

Проведенные исследования доказали, что сила их убеждения велика, одно только признание средств массовой коммуникации в мировом сообществе «четвертой властью» говорит само за себя. Подчас они разрушающе действуют на национальную культуру и традиционные ценности, подрывают этические и нравственные основы общества, возводя в эталон не честный труд, а наиболее доходный. Одним из наиболее опасных симптомов криминализации общества является процесс легализации преступности, где в печати, с экранов телевизоров, в сети Интернет проводится мысль о вполне допустимом нарушении закона («бери от жизни все — здесь и сейчас») как наиболее эффективном и не столь уж порицаемом средстве приобретения материальных благ и достижения успеха в жизни (более подробно об этом см.: [13]).

В научных публикациях не единожды поднимался вопрос о нравственном развращении молодых людей посредством воздействия на их сознание сценами насилия, которыми изобилует телевидение [14]. Так, по некоторым подсчетам, «в среднем на 1 час телепоказа в России приходится 4,2 сцены насилия (намеренного причинения вреда), а российский подросток до 18 лет может увидеть по ТВ 18 тыс. убийств и 200 тыс. насильственных сцен. По этому поводу американский военный психолог Дэйв Гроссмен еще в конце 1990-х предупреждал мировое сообщество, что показ насилия по ТВ запускает у детей психомеханизмы, с помощью которых солдат учат убивать... [15]. Взять хотя бы фильм «Бригада», где снимались культовые актеры конца 1990-х — начала 2000-х, после показа которого по стране был зафиксирован всплеск преступности: подростки имитировали «подвиги» выведенных на экран героев, членов организованной преступной группировки, перенимая их представления о жизни, которые довольно далеки от реальности. Специалисты в области юношеской психологии приходят к однозначному выводу, что у подростка, который постоянно видит насилие, постепенно размываются моральные запреты.

Признавая продолжающуюся криминализацию зрелищ и периодической печати на межгосударственном уровне, а соответственно, и силу убеждения всепроникающих СМИ во всем мире, VIII Конгресс ООН в 1990 г. обратился к медиасообществу не допускать использования возможностей средств массовой коммуникации для пропаганды преступных образцов поведения, насилия и жест-

токости¹. Принципиально подходя к оценке складывающейся ситуации относительно «извращений» применительно к поддержанию и возрождению духовных ценностей народов России, с законопроектом «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в Российской Федерации» выступили депутаты С. Говорухин, Е. Драпеко, И. Кобзон и др. А член Общественной палаты Российской Федерации, народный артист СССР В. Лановой, развивая мысль об общественном контроле над телевидением, призывал не быть равнодушными к тому, что «льется» с телеэкранов [16]. Не осталась в стороне и одна из самых заинтересованных сторон в данном процессе: Министерство внутренних дел Российской Федерации. Так, в Итоговом обращении к участникам конференции, посвященной 85-летию создания уголовного розыска, было признано целесообразным в качестве одного из направлений борьбы с преступностью подготовить предложения по урегулированию вопроса о запрете пропаганды культа насилия, жестокости и порнографии [17, с. 389].

В 2020 г., а затем в 2022 г. от фракции «Справедливая Россия — За правду» в Государственную думу был внесен законопроект о создании Общественного совета России по телевидению. Руководитель фракции С. Миронов, среди прочего, призывал принять во внимание значимость телевидения для развития именно культуры и не допускать злоупотребления свободой массовой информации, повышать защиту общественной нравственности и качества телевизионной продукции. По его мнению, речь не идет о цензуре или идеологической инквизиции, само по себе сегодняшнее телевидение ставит под угрозу безопасность страны².

Не исследуя данные проблемы в научном контексте, мы коснулись лишь отдельных направлений, которые наиболее ярко демонстрируют отношение общества к деятельности СМИ. И хотя не прекращаются обсуждения, насколько «хороша»

или «не хороша» та или иная пошлость, транслируемая с телеэкрана или страниц печатных изданий, и публично никто не опровергает тезис о том, что без нравственных ограничений не живет ни одна страна, до настоящего времени практически ни одна законодательная инициатива по данному вопросу не получила логического завершения. По меткому замечанию ведущего консультанта отдела государственного строительства Аналитического управления Аппарата Совета Федерации В. Г. Гречихина, деятельность отечественного телевидения подчинена задаче (помимо бизнеса и прибыли) оболванивания молодежной аудитории, превращения ее в толпу, которой можно легко манипулировать. Вместе с тем он выражает обеспокоенность, что у нас практически нет института, который анализировал бы программы отечественного телевидения. Ответственности за состояние эфира никто не несет, а само же медиа-общество, считая свою деятельность вполне корректной, расценивает любую инициативу, направленную на ограничение показа сцен с элементами жестокости и насилия, как попытку неоправданного ущемления свободы прессы [18, с. 28, 31].

На основании изложенного мы приходим к выводу, что идеология, как необходимый инструмент воздействия на общественное сознание и социальное поведение представителей социума, является неотъемлемой составляющей государственного регулирования в процессе упорядочения общественно значимых функций, оптимизации целенаправленного воздействия государства на общественные отношения посредством специальных средств и методов. Монополизируя данную функцию, государство должно самым непосредственным образом воздействовать на сознание и волю своих граждан, осуществляя как патристическое, духовно-нравственное воспитание, так и создание необходимых условий для развития личности в правовом поле, формируя поколение созидателей. Ученые-конституционалисты сходятся во мнении, что общество и государство не могут существовать без идеологии, без поступательного развития. А чтобы развиваться, и общество, и государство должны иметь концепцию развития, которая и является выбором определенных идеологических установок.

¹ Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гава-на (Куба), 27 августа — 7 сентября 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml (дата обращения: 10.06.2024).

² Миронов вновь предложил создать Общественный совет по телевидению. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/04/2022/6261266b9a79477eb5b3be9c> (дата обращения: 01.04.2025).

1. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 240 с.; Гаджиева А. А. Безнравственность как фактор преступности в современной России // УЭПС: Управление, экономика, политика и социология. 2023. № 2. С. 95—97; и др.

2. Панарин А. С. Определение слова «деидеологизация». URL: <https://www.slovotolk.ru/deideologizaciya.htm> (дата обращения: 18.04.2025).

3. Цит. по: Петюкова О. Н. Современные теоретико-правовые подходы к пониманию ценностных основ Российского права // Современный юрист: междунар. науч.-практ. журн. 2023. № 4 (45). С. 8—19.

4. Кузнецов Э. В. Кризис современного правосознания // Правоведение. 1994. № 3. С. 3; Бабичев Д. С. Взаимосвязь категорий «идеология» и «преступность» в современном российском обществе: постановка проблемы // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (16—17 окт. 2003 г.). Уфа: РИО БашГУ, 2003. Ч. 2. С. 37—40; Ковалева Е. С. Преступность несовершеннолетних женского пола и некоторые меры по ее нейтрализации // Юрист-Правоведь. 2008. № 1. С. 109; и др.

5. Иванов Н. Г. Нравственность, безнравственность, преступность // Государство и право. 1994. № 11. С. 21—27.

6. Смирнова Е. В. Деидеологизация в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики = Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice: науч.-теорет. и прикладной журнал. 2015. № 12 (62). В 4 ч. Ч. 3. С. 156—158.

7. Марков А. А. Влияние средств массовой коммуникации на правонарушения и преступления несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 26 с.

8. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: социально-психологические закономерности противоправного поведения: монография. Москва: Юрид. лит., 1971. 248 с.

9. Бабичев Д. С. Взаимосвязь категорий «идеология» и «преступность» в современном российском обществе: постановка проблемы // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Уфа: БашГУ, 2003. Ч. 2. С. 37—41.

1. Kudryavtsev V. N. Crime and standards of a transitional society. Moscow: Norma; INFRA-M; 2023: 240. (In Russ.); Gadzhieva A. A. Immorality as a crime factor in modern Russia. MEPS: Management, economics, politics and sociology, 95—97, 2023. (In Russ.); et al.

2. Panarin A. S. The definition of the word "deideologization". Available from: <https://www.slovotolk.ru/deideologizaciya.htm>. Accessed: 18 April 2025 (In Russ.).

3. Ref. to: Petyukova O. N. Modern theoretical and legal approaches to understanding the value foundations of Russian law. Modern lawyer. International scientific and practical journal, 8—19, 2023. (In Russ.).

4. Kuznetsov E. V. Crisis of modern legal consciousness. Law studies, 3, 1994; Babichev D. S. Interrelation of the categories "ideology" and "crime" in modern Russian society: identifying the problem. In: Problems of crime prevention under modern conditions. Materials of the International scientific-practical conference, 16—17 October 2003, Ufa: Editorial and Publishing Department BashSU; 2003: 37—40. (In Russ.); Kovaleva Ye. S. Crime of under-age females and some measures to neutralize it. Yurist-Pravoved, 109, 2008. (In Russ.); et al.

5. Ivanov N. G. Morality, immorality, crime. State and law, 21—27, 1994. (In Russ.).

6. Smirnova Ye. V. Deideologization in Russia. Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. Scientifically-theoretical and an applied journal, 156—158, 2015. (In Russ.).

7. Markov A. A. Influence of mass media on offenses and crimes of minors. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2000: 26. (In Russ.).

8. Yakovlev A. M. Crime and social psychology: socio-psychological patterns of illegal behavior. Monograph. Moscow: Legal literature; 1971: 248. (In Russ.).

9. Babichev D. S. Interrelation of the categories "ideology" and "crime" in modern Russian society: identifying the problem. In: Problems of crime prevention in modern conditions. Materials of the International scientific-practical conference. In 2 parts. Ufa: Editorial and Publishing Department BashSU; 2003: 37—41. (In Russ.).

10. Sergienko Ye. A. (et al.) Juvenile psychology. The complete guide. Red. by A. A. Rean. Saint Petersburg: Prime-Euroznak; Moscow: OLMA-Press; 2003: 281—282. (In Russ.); Kostina L. N.

10. Психология подростка. Полное руководство / [Е. А. Сергиенко и др.]; под ред. А. А. Реана. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; Москва: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 281—282; Костина Л. Н. Учет психологических особенностей несовершеннолетних в процессе расследования групповых преступлений // Российский следователь. 2007. № 18. С. 31—32; Рыков И. А. Рост количества неформальных групп как фактор преступности несовершеннолетних // Преступность в России: состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2008. Ч. 1. С. 330; и др.

11. Лебедев С. Я. Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации (теоретические и методологические основы исследования): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1995. С. 20, 33; Анисимков В. Н. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва; Саратов, 1998. С. 3, 10; Лелеков В. А. Тюремная субкультура и молодежная преступность // Преступность в России: состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2008. Ч. 1. С. 37—38; Полубинский В. И. Важнейшая составляющая субкультуры преступного мира // Преступность и общество: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Л. Ситковский. Москва: ВНИИ МВД России, 2010. С. 120—129; и др.

12. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. Москва: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

13. Годунов И. В. Противодействие организованной преступности: учеб. пособие для студентов юрид. и экон. направлений и специальностей вузов. Москва: Высш. шк., 2003. С. 134, 159; Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности. Москва: Юнити-Дана, 2008. С. 88; Комлев Ю. Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009. С. 9; и др.

14. Лебедев С. Я. Традиционное и нетрадиционное в преступности несовершеннолетних: новая идеология предупреждения // Российский следователь. 2004. № 2. С. 33; Панфилов И. А. О криминообразующих свойствах современных масс-медиа (по результатам экспресс-исследования несовершеннолетних осужден-

Consideration of the psychological characteristics of minors while investigating group crimes. Russian investigator, 31—32, 2007. (In Russ.); Rykov I. A. The growth of the number of informal groups as a factor of juvenile crime. In: Crime in Russia: the situation, problems of crime prevention and crime detection. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Voronezh: Voronezh publishing house of the Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 330; et al. (In Russ.).

11. Lebedev S. Ya. Traditions and customs in the system of criminological determinations (theoretical and methodological foundations of research). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1995: 20, 33. (In Russ.); Anisimkov V. N. Criminal subculture and its neutralization in correctional institutions of Russia. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; Saratov; 1998: 3, 10. (In Russ.); Lelekov V. A. Prison subculture and youth crime. In: Crime in Russia: state, aspects of prevention and crime detection. International scientific-practical conf. Voronezh; 2008: 37—38. (In Russ.); Polubinsky V. I. The most important aspect of subculture in criminal world. In: Crime and society. Collection of scientific works. Red. by A. L. Sitkovsky. Moscow: NRI of the Ministry of the Interior of Russia; 2010: 120—129. (In Russ.); et al.

12. Gross G. Guide for forensic investigators as a system of forensics. New ed., repr. from ed. 1908. Moscow: LeksEst; 2002: 1088. (In Russ.).

13. Godunov I. V. Organized crime counteraction. Textbook for law and economics students of universities. Moscow: Graduate school; 2003: 134, 159. (In Russ.); Metelev S. Ye. Modern terrorism and methods of counterterrorism activities. Moscow: Unity-Dana; 2008: 88. (In Russ.); Komlev Yu. Yu. Theory of restrictive social control. Kazan: KYUI MVD of Russia; 2009: 9. (In Russ.); et al.

14. Lebedev S. Ya. Common and non-common features of juvenile delinquency: new prevention ideology. Russian investigator, 33, 2004. (In Russ.); Panfilov I. A. On criminal characteristics of modern mass media (based on the express study of convicted minors). In: Criminal identity: theoretical and practical issues. Materials of the interdepartmental roundtable discussion, 19 October 2011. Moscow: NRI of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 113—114. (In Russ.); Zamylin Ye. I. Media and their role to form public opinion on law enforcement activities. Journal of the Volgograd

ных) // Личность преступника: теоретические и практические проблемы: материалы межведомственного круглого стола (Москва, 19 октября 2011 г.). Москва: ВНИИ МВД России, 2012. Ч. 2. С. 113—114; Замылин Е. И. Средства массовой коммуникации и их роль в формировании общественного мнения о деятельности правоохранительных органов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1. С. 60—65; и др.

15. Зятков Н. Кровь — ТВ // Аргументы и факты. 2011. 30 марта — 5 апр.

16. Лановой В. Нам объявлена духовная война // Щит и меч. 2008. 16 окт.

17. Заключительное обращение к участникам международной научно-практической конференции // Уголовный розыск в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию создания уголовного розыска в России. В 2 ч. Москва: Акад. управления МВД России, 2004. Ч. 1. С. 386—389.

18. Гречихин В. Г. Влияние телевидения на духовно-нравственное состояние общества // Аналитический вестник. 2010. № 16 (402). С. 25—32.

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 60—65, 2015. (In Russ.); et al.

15. Zyatkov N. Bloody TV. Argumenty i fakty, 2011, 30 March — 5 April. (In Russ.).

16. Lanovoi V. We are at moral war. Shield and sword, 16 October, 2008. (In Russ.).

17. The final statement for the participants of the international scientific-practical conference. In: Criminal Investigation in the XXI century. International scientific-practical conference materials, dedicated to the 85th anniversary of the formation of Russian criminal investigation. In 2 parts. Part 1. Moscow: Academy of Management of MIA of Russia; 2004: 386—389. (In Russ.).

18. Grechikhin V. G. TV influence on the moral state of the society. Analytical Journal, 25—32, 2010. (In Russ.).

Zamylin Yevgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *